

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

В статье анализируется социальный субъект развития Дальнего Востока России, показано влияние повседневности и ценностных ориентаций населения на его роль в модернизационных процессах.

Ключевые слова: социальный субъект, актор, повседневность, менталитет, русский национальный характер, провинциальность, Дальний Восток России.

THE PROBLEM OF FORMING THE SOCIAL SUBJECT OF THE DEVELOPMENT OF THE FAR EAST OF RUSSIA

The article analyzes the subject of social development of the Far East of Russia, shows the influence of everyday life and value orientations of the population in its role in modernization.

Key words: social subject, actor, everyday life, mentality, the Russian national character, provincialism, Far East of Russia.

«Стратегия развития Дальнего Востока и Забайкалья» и основывающиеся на ней федеральные целевые программы – ключевые документы в процессе организации развития Дальнего Востока. Развитие экономики, которое можно описать в терминах модернизации, создание более благоприятных социально-экономических условий для жизни на Дальнем Востоке – задачи, не решаемые без государственной воли и государственной поддержки. В их реализации возрастают роль и ответственность различных социальных субъектов. В качестве таковых выступают государство, его федеральные и региональные органы, исполнительная и законодательная власть, общественные объединения и организации, субъекты управления различными сферами деятельности, политические элиты и лидеры, рядовые граждане страны. Развитие любого общества во многом зависит от того, насколько учитывается и приумножается социокультурный опыт, насколько в настоящем представлено прошлое и заложено будущее. Вместе с тем в настоящее время в России действует и другая тенденция – ослабление, а где-то и разрыв связи поколений, негативное отношение к действительной истории нашей страны и народа. И эта тенденция ослабляет страну, лишает людей смысла жизни, что, в свою очередь, отрицательно сказывается на их мироощущении, самосознании, снижает веру в свои силы, активность, ответственность за свою судьбу и судьбу страны.

В нашей литературе достаточно полно показана роль таких социальных субъектов как первое лицо (царь, генсек, президент), политическая и экономическая элита, бюрократический государственный аппарат. Гораздо меньше раскрыто значение активной и успешной части современного общества (среднего класса), и практически никак не освещена роль масс. Массы по умолчанию рассматриваются только как инструмент исполнения, объект стимулирования и управления со стороны политической и экономической элиты. Вообще, идея развития в России никогда не относилась к числу *безусловных базовых* ценностей как для массового, так и для элитарного сознания

[1, с. 1]. Для элиты абсолютной ценностью являются власть, преуспевание, успех, а высокоэффективное управление и стимулирование массы не входит в число лично значимых целей, поэтому у нас оно осуществляется по устарелой концепции Я-менеджмента: работники ленивы и нуждаются в постоянном агрессивном контроле и наказаниях. Для массы низкая значимость инноваций обусловлена тем, что осуществление модернизаций в стране неизменно сопровождалось сверхнапряжением и сверхэксплуатацией, а значит, – насилием (призванным компенсировать скудность иных ресурсов развития – финансовых, материальных, временных и т.д.).

По мнению В.Г. Федотовой, радикально-либеральные реформы в России не увенчались успехом потому, что лежащие в их основе проекты не имели связи с *обыденными взглядами людей, их опытом и их культурой* [6]. Предлагаемый нами подход к анализу модернизационных процессов заключается в переносе внимания с экономической и политической составляющих развития на аспекты, характеризующие *массовый социальный субъект*, – такие как степень осознанности участия в процессе, установки и ценности повседневной жизни людей, национальный характер, менталитет. Для решения поставленной задачи наиболее адекватной является методология, разработанная Т.И. Заславской, согласно которой участники социального действия делятся на акторов и субъектов. Понятие «актор» имеет смысл лишь в сцепке с конкретным социальным действием (действиями), в то время как понятие «субъект» акцентирует скорее рациональность сознания и поведения, способность к реализации свободного выбора. В зависимости от требований, предъявляемых к индивидам, признаваемым субъектами и акторами, в одних случаях может оказаться, что выраженными свойствами субъектности обладает лишь часть акторов, а в других – что акторами конкретных действий является только часть субъектов [2; с.6].

Вполне обоснованно предположение, что судьба модернизации в каждом обществе зависит от способности субъектов так интерпретировать собственные ценности, чтобы они, с одной стороны, сохранили предметную сущность модернизации, а с другой, – не разрушали бы специфику, самобытность национальной культуры. Если не произойдет первого – не будет модернизации. Не будет второго – возможно отторжение модернизации от культуры. Самая большая задача реформаторов – не спровоцировать контрреформу, не вызвать существенного усиления социокультурных противоречий, превращения столкновения старых и новых ценностей в необратимый процесс дезорганизации. Ориентир на модернизацию требует от субъектов такой реорганизации комплекса социальных ценностей, при котором планируемые результаты должны приобрести для населения свойство стимула к активности.

Необходимое условие субъектности – наличие собственного стратегического (или хотя бы тактического) проекта, реализующего собственные (а не внешние) интересы и цели. Иначе социальные группы и отдельные личности могут выступать только в качестве акторов, т.е. быть инструментом достижения внешних по отношению к их собственным интересам целей.

Ценностные ориентации российского массового сознания во многом определяются приоритетами индивидуального выживания, но наиболее общей их характеристикой являются предельный эклектизм и бинарность, выражающаяся в быстрых сменах оценок и настроений в обществе на диаметрально противоположные. В числе характеристик русского национального характера есть то, что могли бы рассмотреть как опору модернизации: коллективизм, жертвенность, умеренность в стремлении к достатку. Но *коллективизм* русского народа имеет не постоянно-мобилизованный, а ситуативный характер. В обычной жизни сплоченность и взаимная поддержка выражены слабо, причем особенно слаба связка социальных групп по вертикали. Есть у нас негативная традиция отрыва властной верхушки от народа. Можно предположить, что в этом кроется самая большая проблема. Опыт стран, успешно проводящих модернизацию, показывает значимость сплочения вокруг социально важной цели. Это, например, отражено в успешно реализованных

теоретических моделях: в Японии – как «коллективность» и «коллективистская трудовая этика», в Германии – как «порядок», в Англии – как «гражданское общество» и т.п. Одна из зримых особенностей идеологического обоснования модернизации в Китае – опора на два принципа, сформулированных еще в конфуцианстве – доброжелательность и солидарность. По мнению профессора Пекинского университета Ань Циняня [5], в условиях развивающейся рыночной экономики меняются настроение и весь духовный мир человека: коллективизма в жизни становится мало, индивидуализма – чрезмерно много. Доброжелательность и солидарность призваны соединить китайцев. Поэтому сейчас руководство, правительство, партия Китая активно пропагандируют гуманизм. Гуманизация охватывает все сферы и вопросы, повсеместно подчеркивается, что человек – центр внимания.

У нас лозунг гуманизации активно обсуждался в 90-е гг., но при этом сфера его реализации практически ограничивалась системой образования. Предпринимаемые в стране реформистские шаги и их результаты не проходили экспертизу на гуманность. Похоже, что консолидирующей идеей для современного российского общества могла бы стать идея **порядка**. Ее форма, естественно, не повторяет немецкую. У немцев, как правило, порядок – понятие глубоко соответствующее особенности национального менталитета и повседневного распорядка жизни. В России порядок понимается как результат сильной власти, а тяготение к порядку очень часто формулируется как убежденность, что «при Сталине *этого* бы никто себе не позволил». К сожалению, внутренней убежденности, что порядок начинается с наведения порядка в собственных головах, как не было, так и нет.

Вторая из перечисленных черт нашего народа – **жертвенность**. Но жертвенность, готовность к самоограничению уже не может использоваться эффективно, так как она была максимально использована в советские годы. Осталась лишь поражающая иностранцев стоическая терпимость, с какой наш народ переносит все тяготы преобразовательных процессов. Но терпеливость и «притерпелость» порой скрывают тихий саботаж и умение найти безопасные лазейки, позволяющие, не вступая в конфликт с властью, обеспечить себе приемлемое существование.

Третья черта – **умеренность**. Признавая универсальность и позитивную ценность таких явлений как частная собственность, экономическая свобода, россияне, чтобы сохранить свою идентичность, должны осознавать их вспомогательную роль в жизни: они лишь условие становления современного образа жизни, современного образа российского общества. Стремление к достатку естественно, но в русской культуре достаток и богатство окрашены разными красками. Богатство не вызывает уважения, поскольку за ним видится несправедливость, незаконность. Достаток, напротив, воспринимается как закономерное подтверждение правильности всей жизни человека, вызывающее уважение окружающих.

Если материальный достаток, комфортность повседневной жизни, обеспеченные модернизацией, будут приобретены дорогой ценой потери духовной самобытности русской культуры, то это будет пиррова победа.

Центральная власть считает **себя** единственным субъектом модернизации. Чрезмерная централизация имеет своим результатом плохое управление окраинами, провинцией. Провинциальное мироощущение жителей окраин России создает эффект напряженности между подлинным и неподлинным бытием. Чрезвычайно велики собственные затраты на преодоление расстояния до центра, столицы. Например, однажды проделав путь на Дальний Восток, переселенцы до конца жизни хранят ощущение своего (и окружающих людей) огромного отрыва от места, где идет подлинная жизнь, где решаются судьбы людей, страны, мира. «Если провинциальный человек не способен быть субъектом исторического действия, поскольку история всегда где-то «там», специфику его бытия можно определить через *опыт исторической неучастности*: он не там, не тогда и не с теми» [4, с. 45].

Кажущаяся рутинность и медлительность провинциальной жизни скрывают немало социально значимых процессов. Стабильность образа действий и мыслей человека в провинции

способствуют тому, что сохраняются и воспроизводятся такие ценности повседневной жизни, которые и определяют специфику национальной культуры в целом, оказывают определяющее влияние на формирование характерного для данного народа типа личности. Положительная роль провинции в качестве хранительницы национальной культуры, языка, сущностных особенностей национального характера, образа жизни и мыслей давно признана. Разного рода нововведения проходят испытание в провинции, а последняя в своей повседневной жизни консервирует только то, что органически ей соответствует. В ней не приживаются поспешные, непродуманные новшества, ею отменяются надуманные ориентиры и модные веяния. При всем том самосознание провинциала практически всегда включает понимание собственной второстепенности, незначительности. Столичному жителю подобная мысль, как правило, чужда, поскольку для него характерно отождествление своей жизни с историческими событиями, свидетелем (но не участником) которых он являлся.

Поколения россиян в Восточной Сибири, Прибайкалье и на Дальнем Востоке обустроивают свой край и организуют свою жизнь не благодаря природным и социальным обстоятельствам, а скорее вопреки им. Поэтому у населения формируется привычка опираться на себя да на ближнего, а не на центральную власть, привычка к существованию в качестве субъекта собственной жизни. Этому не учитывают наши реформаторы. Они не замечают, что позитивным фактором протекания модернизационных процессов на российском Дальнем Востоке может стать то, что здесь имеется определенная опора модернизации (отдаленно напоминающая субъект североамериканской модернизации) – это дальневосточники в третьем-четвертом-пятом поколениях, наследники пионеров освоения Дальнего Востока, которые составляют около четверти постоянного населения региона. Они не только не испытывают стремления уехать в центр России, с которым уже не осталось близких родственных связей, но и сохраняют (на уровне семейного уклада, набора исповедуемых ценностей) привычку к самостоятельности, независимости, активности в своей хозяйственной и бытовой деятельности. И эта самостоятельность, умение использовать преимущества дальневосточной жизни издавна служили основой для самоуважения, чувства собственного достоинства, т.е. личностных качеств, особо ценимых в модернизирующемся обществе. И вместе с тем в экстремальных ситуациях здесь в полной мере проявляются черты патриархального коллективизма. Есть основания полагать, что опыт исторической непричастности сыграл позитивную роль: на русском Дальнем Востоке удалось сохранить то ценностное ядро русской культуры, которое в регионах непосредственного и длительного контакта с западной культурой претерпело значительную эрозию. Названные черты дальневосточного населения в сочетании с открытостью влияниям, идущим от центра России, оптимизмом и жизнелюбием могут стать теми духовными основаниями, которые позволят успешно осуществить задачи модернизации.

У дальневосточников перед глазами изменения в уровне жизни китайцев в сравнении с россиянами за последние полтора десятилетия. В середине 90-х гг. наша покупательная способность намного превосходила возможности китайского населения, в настоящее время для рядовых китайцев стали доступны дорогие качественные товары и услуги, а покупательные возможности наших соотечественников в Китае заметно снизились. В стремлении обеспечить достаток не только китайцы устремляются в Россию, но и российские жители уезжают на учебу в Китай (молодежь), благополучно трудоустраиваются в Китае (среднее поколение) или переезжают туда на жительство (пожилые люди). Пенсионеры-дальневосточники продают в России квартиры, покупают квартиры в Китае по более доступным ценам, а российская пенсия дает им возможность жить в Китае вполне достойно. Но больше всего россиян-дальневосточников огорчает отличие массового настроения на Родине и в Китае: оптимизм и энтузиазм китайцев больно ранят их, поскольку составляют резкий контраст с настроениями унылого ожидания изменений, царящими у нас. Населению Дальнего Востока России не предлагают быть субъектами модернизации, сохраняя патернализм, присущий временам советской

власти. Финансируя проекты развития Дальнего Востока, Центр видит в местном населении лишь актора (исполнителя). Естественно, без помощи Центра при нынешнем централизме власти на местах невозможно решать важные вопросы модернизации. Но желание быть субъектом – это, по-видимому, нормальное желание и отдельного человека, и различных социальных групп, оно заложено в природе человека.

Специфической проблемой российского Дальнего Востока является количественная недостаточность и точечность распределения населения, которая к тому же усугубляется оттоком из сел в дальневосточные и сибирские города, а также в европейскую часть России. Избыточная централизация политической и экономической жизни, невозможность реализоваться, бедность предлагаемых вариантов, отставание в уровне комфортности жизни – вот наиболее значимые мотивы переезда с Дальнего Востока в столицу или центральные регионы. Для закрепления российского населения на Дальнем Востоке необходимо прежде всего реальное ослабление чувства региональной оторванности от Центра, периферийности. Сейчас имеются материально-технические условия устранения этого негативного момента: восстанавливается авиасообщение, построена федеральная автодорога, соединившая Дальний Восток с другими регионами России, развиваются многоканальное телевидение, Интернет, средства мобильной связи и т.п. Обеспечение реальной свободы передвижения могло бы сгладить негативные моменты территориальной оторванности дальневосточного населения России. И если невозможно всем предоставить льготные условия железнодорожных и авиационных переездов, то нужно заложить транспортные расходы дальневосточников в так называемый дальневосточный коэффициент зарплат.

Население Дальнего Востока в целом обладает средними для России параметрами образованности, но минусом становится отсутствие специалистов некоторых групп профессий, необходимых для проведения нововведений производственно-экономического, инфраструктурного или сервисного характера. Население российского Дальнего Востока только тогда будет иметь высокую эффективность в экономике, когда у него будет высокий уровень профессиональной подготовки. Выпускники дальневосточных школ, получившие высшее образование в Сибири или в европейской части страны, редко возвращаются на свою малую родину. Значит, следует всемерно укреплять и развивать профессиональное образование на Дальнем Востоке.

Бедное население (а уровень жизни на Дальнем Востоке ниже, чем в центральных регионах России) не просто претерпевает социальную эксклюзию, но и характеризуется деформациями массового сознания по типу маргинальных. Российская власть понимает необходимость повышения уровня жизни народа и выдвигает немало очень важных инициатив, но они дают очень скромные результаты, и уровень жизни людей почти не меняется. Затянувшаяся бедность россиян подрывает фундамент модернизации, лишая ее деятельного субъекта.

Таким образом, развитие и модернизационные процессы на российском Дальнем Востоке могут быть реализованы более успешно, если будет сформирован массовый социальный субъект модернизации.

1. Гаман-Голутвина, О.В. Проблема субъекта модернизации в России: историко-концептуальные аспекты и современное состояние (<http://www.pandia.ru/text/77/191/18290.php>)

2. Заславская, Т.И. О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса // Кто и куда стремится вести Россию?.. Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса: Междунар. симпозиум 19-20 января 2001 г. / под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: Московская высш. школа соц. и эконом. наук, 2001.

3. Заславская, Т.И., Шабанова, М.А. Успешные экономические акторы как потенциальная модернизационная общность // Общественные науки и современность. – 2012. – № 4, 5.

4. Пермяков, Ю.Е. Провинциальное правопонимание: опыт исторической непричастности // Общественные науки и современность. – 2012. – № 6. – С. 43-50.

5. Россия и Китай: проблема понимания (беседа с профессором народного университета Пекина Ань Цинянем) // Вопросы философии. – 2002. – № 6. – С. 96-111.

6. Федотова, В.Г. Российская история в зеркале модернизации // Вопросы философии. – 2009. – № 12. – С. 3-18.